

УДК 72.03

Кисельникова Дарья Юсуфовна

ассистент

E-mail: kiselnikova.darya@yandex.ru

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств

Адрес организации: 630099, Россия, г. Новосибирск, Красный проспект, д. 38

Влияние столичной архитектуры на формирование архитектуры многоквартирных жилых зданий Новосибирска в конце XX-начале XXI вв.

Аннотация

Постановка задачи. Целью данного исследования является определение влияния столичной архитектуры, как одного из факторов формирования архитектуры многоквартирных жилых зданий г. Новосибирска в конце XX-начале XXI вв.

Результаты. Основные результаты исследования состоят в выявлении тенденции формирования архитектуры многоквартирных жилых зданий столичных городов и в установлении выражения этих тенденций в архитектуре многоквартирных жилых зданий Новосибирска в конце XX-начале XXI вв.

Выводы. Значимость полученных результатов для строительной отрасли состоит в определении изменения влияния столичной архитектуры на формирование архитектуры многоквартирных жилых зданий г. Новосибирска в конце XX-начале XXI вв., и в установлении связи этих изменений с трансформацией социально-экономической и политической систем России в это время.

Ключевые слова: жилые здания, архитектура Новосибирска, стили, советский модернизм, постмодернизм.

Введение

Современные социологические и географические исследования указывают на связь в той или иной степени идей создания «культурного ландшафта страны» с формированием архитектурного облика городов. Описывая «портрет культурного ландшафта» России В. Каганский отмечает «отсутствие полноценных горизонтальных связей между местами», что является естественным свидетельством «абсолютной централизации и моноцентричности: все места связаны друг с другом исключительно через единый центр» [1]. Такое устройство отражается, прежде всего, на оценке качества городской среды и региональных особенностей архитектуры.

В России сложно говорить об обособленных региональных архитектурно-художественных школах. Для сравнения можно привести Германию, где, несмотря на общеевропейские тенденции к глобализации, по-прежнему прослеживаются традиции архитектурных школ разных федеральных земель. В России порой возникают яркие региональные явления (такие как «Нижегородская школа» конца 1990-х гг.) [2], но носят они во многом единичный характер и быстро теряются на фоне побеждающих идей централизации. Такие примеры можно найти в исторических городах со сложившимися архитектурно-реставрационными школами, формирования которых происходило в рамках масштабных восстановительных работ послевоенного периода [3]. В более молодых городах, основное развитие которых пришлось на советское время и где исторические традиции не столь сильны – таких как Новосибирск – большее значение приобретают стилистически эпохальные тенденции развития архитектуры, транслируемые из столичных городов.

Переход от плановой централизованной системы к свободной рыночной экономике в 1990-х гг. ослабил столичное влияние и создал условия для формирования местных архитектурных школ. Особенно заметно это проявлялось в архитектурной идеологии и типологии многоквартирных жилых зданий, где на смену массовому домостроению приходят реализованные по индивидуальным проектам жилые дома и комплексы.

Для определения степени влияния столичной архитектуры, как одного из факторов формирования архитектуры многоквартирных жилых зданий Новосибирска в конце XX-

начале XXI вв., был проведен сравнительный анализ соответствующих построек и тенденций, характеризующих жилищное строительство данного периода, Новосибирска и столичных городов (Москвы и Санкт-Петербурга).

Для анализа отобраны примеры построек, которые наиболее ярко отражают те или иные стилевые тенденции архитектуры многоквартирных жилых зданий рубежа XX-XXI вв.

Позднесоветская архитектура жилых многоквартирных зданий

Позднесоветское жилое строительство всех городов России было представлено главным образом массовым типовым домостроением [4]. Индивидуальные проекты жилых комплексов были довольно редкими, но именно благодаря им мы можем судить о том, какие идеи были популярны среди архитекторов конца 1980-х гг.

Строительство жилых домов и комплексов по индивидуальным проектам закладывалось при разработке новых крупных жилых районов. Такие объекты размещались вдоль магистралей, и, следуя принципам ступенчатого обслуживания, включали в себя дополнительные функции, формируя общественные центры жилых районов. Примеры таких комплексов встречаются как в столичных городах – например, жилой дом на Комендантском проспекте, 28к1 (Санкт-Петербург, 1989-1994 гг., арх. В. Реппо, В. Грищенко) и жилой дом на проспекте Энгельса, 139 (Санкт-Петербург, 1990-1994 гг., арх. Н. Апостол), так и в Новосибирске – административно-жилой комплекс на Вокзальной магистрали (1993-2003 гг., арх. А.Агафонов, А. Скоробогатько, В. Тропезников) и застройка микрорайона по ул. Шевченко (1980-1990-е гг., арх. В. Бородкин, А. Бондаренко, Е. Васехо, В. Федоскина, «Новосибгражданпроект») (рис. 1).

Рис. 1. Микрорайон по ул. Шевченко, 1990-1998 гг.,
арх. В. Бородкин, А. Бондаренко, Е. Васехо, В. Федоскина (иллюстрация автора)

Другие объекты, также требующие индивидуального подхода – специализированные жилые комплексы для различных ведомств. В качестве примера можно привести жилой дом «Парк Плейс» (Москва, 1990-1992 гг., арх. Я. Белопольский, Л. Вавакин, Н. Лютомский, Ю. Эрдемир), спроектированный и построенный для нужд МИДа. Здание предназначалось для размещения иностранных граждан и изоляции их от города, вся необходимая для комфортного проживания, инфраструктура располагалась на территории комплекса.

Вышеописанные дома и комплексы выполнены в рамках эстетики советского модернизма и имеют ряд общих черт.

В объемно-планировочных решениях наблюдается отказ от типовых схем и попытки экспериментов, как с общей компоновкой, так и с планировками квартир. Архитекторам удавалось обосновывать применение двух- и трехуровневых квартир. В комплексе, построенном для МИДа, почти все квартиры были многоуровневыми, за счет этого фасад разбивается ярусами галерей, куда выходили квартиры.

Важной частью этих зданий становятся помещения общественного назначения, располагаемые на первых этажах или во встроено-пристроенных блоках. При этом ключевой задачей для архитекторов становится зонирование «общественных» и «частных» пространств, и изоляция внутрдворовых территорий.

В архитектурном облике этих построек следует отметить стремление к созданию выразительного силуэта. В зданиях столичных городов чаще всего это достигается за счет возвышения объемов лестничных клеток, в Новосибирских постройках активно используется переменная этажность. В целом, заметно стремление к созданию яркого индивидуального образа здания и использовании артикулированной крупной пластики фасада.

В качестве облицовочных материалов фасада использовались кирпич и бетон. К сожалению, в процессе реализации в сложных экономических условиях начала 1990-х гг. замыслы архитекторов удавалось реализовать не в полной мере. При строительстве жилых домов в Санкт-Петербурге в начале 1990-х гг. пришлось заменить «двухцветный лицевой кирпич на самый дешевый силикатный» – как отмечал в своем интервью архитектор Владимира Реппо (Статья «Трехэтажное счастье» в газете «Санкт-Петербургские ведомости» № 081 (6190) от 10.05.2018). А уже в процессе эксплуатации фактура серого бетона фасада «Парк Плейс» скрылась за белой плиткой вентилируемого фасада – тем самым уничтожив грубоватую модернистскую эстетику голого бетона [5].

Описанные выше примеры многоквартирных жилых зданий позднесоветского периода Новосибирска и столичных городов, формировались в условиях плановой экономики, где заказчиком выступало государство (в лице ведомств, министерств или отдельных производств). И, несмотря на то, что порой «система» позволяла отклоняться от минимальных унифицированных показателей – в целом, действовал принцип создания равных условий для всего жилищного строительства государства – действовало «программное уравнильство советского времени», как описывает это явление А.В. Иконников [6].

Постсоветская архитектура жилых многоквартирных зданий (середины 1990-х гг.)

Со становлением рыночной экономики и расслоением населения характер жилищного строительства меняется. Постепенно начинают формироваться социальные группы с высоким доходом, стремившиеся «отделиться от сложившейся унифицированной среды» [6]. В стремлении удовлетворить эти потребности, начинают появляться первые небольшие изолированные жилые комплексы с обособленным внутренним пространством дворов.

Один из первых комплексов такого рода, спроектированный и реализованный в России в начале 1990-х гг., является кондоминиум в Купчино (жилой комплекс «Айвенго», Санкт-Петербург, 1993-1995 гг., арх. Е. Герасимов, В. Хиврич, И. Бахорина, Т. Кузнецова, З. Петрова). Комплекс состоит из 24 блокированных коттеджей и одного секционного крестообразного в плане дома. В границах комплекса создана внутренняя улица с обращенными на неё придомовыми садами, а снаружи комплекс выглядит как «крепость» с массивными кирпичными стенами и небольшими «окнами-бойницами».

В Москве примером такого подхода к четкому выделению внутреннего пространства – является жилой дом в проезде Загорского, 11 (1999-2000 гг., арх. В. Плоткин, И. Деева, С. Крючков, И. Русских), состоящий из двух параллельных корпусов (5- и 7-этажных). Эти корпуса соединяются поперечными блоками, благодаря чему образуется анфилада дворов-atriумов. На нижних этажах одного из блоков размещены двухуровневые квартиры с отдельными входами и гаражами.

В Новосибирске в 1998-2000 гг. строится несколько подобных комплексов, где комбинируются блокированные и секционные дома и формируется изолированное внутреннее пространство – один из них жилой дом по ул. Инская, 67 (1999 г., арх.

А. Лаптяйкин) (рис. 2). Комплекс состоит из семи блокированных домов и четырех секционных. Причем, если подобные жилые комплексы в Москве и Санкт-Петербурге максимально изолированы от внешней застройки, то первые этажи в новосибирском комплексе изначально отводились под общественные функции. В том числе в блокированных домах, где предполагалось размещение небольших мастерских на первых этажах с выходом на улицу, и входом со двора для жильцов верхних этажей. Со временем, однако, большая часть блокированных домов потеряла жилую функцию и теперь используется для размещения офисов.

Рис. 2. Жилой дом по ул. Инская, 67, 1999 г., арх. А. Лаптяйкин (иллюстрация автора)

В целом, для первых жилых комплексов, построенных в условиях становления рыночной экономики, как в столичных городах, так и в Новосибирске, характерны небольшой масштаб и этажность, формирование закрытого внутреннего пространства двора-atriума (Москва, Новосибирск) или внутренней улицы (Санкт-Петербург), комбинация блокированных и секционных домов (от 3-х до 7-ми этажей в высоту), небольшое количество квартир (40-80) большой площади (до 300 м²).

Внешний облик этих первых «элитных» жилых комплексов был довольно аскетичным. При этом, если жилой дом в проезде Загорского, 11 выстроен в рамках сдержанной модернистской эстетики, то в ЖК «Айвенго» и жилом доме по ул. Инская, 67 прочитываются явные постмодернистские аллюзии на петербургский классицизм и сибирский модерн соответственно.

В более крупных жилых зданиях середины 1990-х гг. также наблюдается стремление к созданию замкнутых изолированных дворов. В архитектурных решениях этих построек заметно переплетение эстетики позднесоветского модернизма и ранних постмодернистских идей.

В столичной архитектуре это можно увидеть на примере ЖК «Синяя птица» (Москва, 1996-1998 гг., арх. Н.Лютомский, Ю. Григорьев, Г. Тереньтьев) и жилого дома на Гражданском проспекте (Санкт-Петербург, 1998-1999 г., арх. С. Гурнов, Д. Шавкунов, Р. Доминов), а в Новосибирске – в архитектуре жилого дома по ул. 1905 года, 2 (1998 г., арх. Н. Деев). В облике последнего заметно тяготение к бруталисткой массивности, которая при этом контрастирует с «неуместным» штукатурным декором обрамлений окон.

Постмодернизм в архитектуре жилых многоквартирных зданий (рубежа XX-XXI вв.)

В середине 1990-х гг. наблюдается расцвет постмодернистских поисков в архитектуре России, что, в первую очередь, связано со строительством в исторической среде центра. Для столичных городов эти «постмодернистские» искания были направлены на сохранение многоликой исторической среды [7], (что порой под натиском требований властей и заказчиков выливалось в откровенный эклектизм).

Историзм удовлетворял не только коммерческим запросам формирующегося спроса «на отрицании типового жилья», но и вкусам политической элиты. Наиболее заметно это в архитектуре Москвы, где обобщенное влияние городских властей на архитектурный облик новых построек получил название «лужковского стиля». Примечательным тут является то, что «...фигурой собравшей московский [лужковский] стиль, был не архитектор, а городская власть – Юрий Михайлович Лужков» [8]. «Лужковский стиль» – условное понятие. Этот «стиль» стилем не является и не имеет единых стилистических черт, но само появление такого понятия указывает на обстановку, в которой приходилось работать московским архитекторам рубежа XX-XXI вв.

Источниками заимствований для столичных архитекторов становились различные образцы, во многом это зависело от окружающего контекста, а также от вкуса архитекторов, заказчиков и власти (в лице Москомархитектуры). В архитектуре жилых зданий Москвы рубежа XX-XXI вв. можно найти отсылки и к неорусскому стилю (как в облике жилого дома в 1-м Хвостовом переулке, 5; 1997 г., арх. А. Щукин, М. Леонов), и к классицистическим мотивам, смешанным с эклектикой (например, ЖК «Коперник», 2000-2006 гг., арх. С. Ткаченко, Е. Лякишева, Г. Ким, Е. Аулова, М. Мамонтова). Эклектизм также встречается в Петербургских жилых зданиях этого времени (ЖК «Евросиб», 1995-1998 гг., арх. М. Рейнберг, А. Шаров). Отдельные примеры в архитектуре северной столицы отсылают к местному модерну рубежа XIX-XX вв. – например, жилой дом «Северный модерн на Петроградской», построенный в 1999 году по проекту Е. Подгорнова.

В целом, для этих жилых зданий характерны небольшой масштаб, дополнение (восстановление) существующей исторической квартальной застройки, небольшое количество квартир.

Проявление идей историзма в архитектуре Новосибирска, в отличие от столичных городов, не всегда было связано с включением новых зданий в сложившийся контекст. Здесь сохранилось сравнительно немного фрагментов исторической застройки рубежа XIX-XX вв., а основная часть города представлена зданиями второй половины XX века. Таким образом, перед архитекторами зачастую стояла задача не «встроиться» в существующий контекст, а «создать» его. Для строительства в центральной части Новосибирска, где сохранились фрагменты исторической квартальной структуры, важным становится закрепление планировочной сетки. Так было сделано при строительстве жилого дома по ул. Щетинкина, 32 (1997 г., арх. А. Лаптяйкин). В архитектуре комплекса используются отсылки к образам сибирского модерна – архитектуры времен начала города.

Другой подход применялся при включении новых жилых домов в сложившуюся микрорайонную застройку второй половины XX века. Здесь здания с явными историческими аллюзиями (как жилой дом на проспекте Карла Маркса, 47/1; 2003 г., арх. В. Федоскина, Н. Палей) задают своим расположением новую иерархию пространств, и активно контрастируют с окружающей типовой застройкой.

Можно отметить, что проявление идей историзма было общим для архитектуры жилых многоквартирных зданий центра, как для столичных городов, так и для Новосибирска. При этом существует разница в выборе источника исторических цитат, которые, в первую очередь, обращены к местным примерам.

При создании многоквартирных жилых домов повышенной этажности естественным источником вдохновения для архитекторов становились неоклассические московские высотки 1940-1950-х гг. Многоярусная структура, увенчанная шпилем, жилого комплекса «Триумф Палас» (Москва, 2000-2005 гг, арх. А. Трофимов) пожалуй, наиболее яркое проявление такого цитирования. Схожие приемы создания ступенчатой

композиции использовались и при строительстве жилых домов в Санкт-Петербурге (ЖК «Пулковский шпиль», 2004 г., арх. М. Бренер, В. Жуков) и Новосибирске (жилой дом по ул. С. Шамшиных, 22; 2005 г., арх. Н. Деев), однако эти здание по своему масштабу не могут посоревноваться с новыми московскими градостроительными доминантами.

В начале 2000-х гг. сохраняется запрос на камерные изолированные жилые комплексы, который переплетаясь с актуальными стилистическим запросами на «классицизм», выразился в спросе на «...так называемые дворянские таунхаусы» [8]. В основе их архитектурного облика лежит неоклассическая эстетика: ЖК «Покровское-Глебово» (Москва, 2005 г., Архитектурное Бюро Виноградова) и ЖК на Каменном острове (Санкт-Петербург, 2002 г., арх. Е. Подгорнов, А. Миронов, С. Иванова).

Московский ЖК «Покровское-Глебово» состоит из блокированных и секционных домов, при этом блокированные коттеджи и часть секций стоят на некотором отдалении от основного комплекса и не вписываются в основную симметричную композицию. Петербургский ЖК на Каменном острове состоит из 19 блокированных домов и одного блока, вмещающего в себя общие зоны отдыха. Вследствие своего положения он создает обособленное внутреннее пространство не только за счет своей структуры, но и благодаря окружающему его каналу. Здесь архитекторам в наибольшей степени удалось приблизиться к традициям петербургского классицизма.

Эти комплексы расположены в зонах, примыкающих к центру, и не ограничены плотной городской застройкой. Подобная ситуация сложилась в Новосибирске в районе ул. Шевченко, где в 2005 году строится изолированный жилой комплекс малой этажности (ул. Шевченко, 17, арх. Н. Казаков, И. Сморгович), облик которого, по замыслу архитекторов, должен был отсылать к традициям классицизма. Однако в процессе реализации от значительной части декора пришлось отказаться. Сам комплекс состоит из 18 блокированных домов и имеет симметричную композицию плана.

Кроме историзма и контекстуализма (явно поощряемого властями в Москве, а вслед за этим и в других регионах) следует также указать на постройки, в которых постмодернизм выражался через игру, иронию и образность, а не в явных исторических аллюзиях (что приближает такие проекты к западным примерам).

Одним из таких зданий является жилой дом в Брюсовском переулке (Москва, 2003-2007 гг., арх. А. Бавыкин, М. Марек, Г. Гурьянов, Ю. Раннева, Д. Травников), украшенный необычными «колоннами», своими очертаниями напоминающие стилизованные стволы деревьев. Такой театральный прием контрастирует как с аскетичной плоскостью основного фасада, так и с исторической окружающей застройкой.

Контраст и ироничное противоречие между внешним и внутренним стали основой архитектурного решения другой постройки, реализованной в уже северной столице – жилого дома «Люмьер» (Санкт-Петербург, 2003-2008 г., арх. С. Падалко, А. Виноградов, О. Шурупова, А. Берзинг, Е. Волошин, Е. Волошина, Л. Бараник, Е. Никитина, А. Рогаткин). Здесь, обращенный к основным улицам, сдержанный фасад с ритмичной сеткой оконных проемов и входных групп первых этажей, облицованный натуральным камнем, контрастирует с криволинейной фасадной конструкцией внутреннего двора, составленной из цветных стекол.

Архитекторы Новосибирска также обращались к европейскому опыту постмодернистской иронии. В Новосибирской архитектуре это влияние выражалось главным образом в цитировании европейских примеров (построек Альдо Росси). Что хорошо заметно по решениям деталей фасада жилого дома по ул. Октябрьская, 34 (Новосибирск, 1998-2001 г., арх. В.Н. Филиппов, Н.З. Казаков).

Неомодернизм в архитектуре жилых многоквартирных зданий рубежа XX-XXI вв.

Ответной реакцией на распространение историзма и эклектизма в архитектуре (получившее поддержку со стороны властей) в Москве стало становление идей средового подхода, опирающегося на сдержанную неомодернистскую эстетику. Как отмечает Г. Ревзин: «...в 1990-е гг. русские архитекторы заявили новую повестку дня: новая архитектурная форма, модернистская архитектура, такая же, как на Западе, которая

делает Россию европейской страной. Сопrotивление этой повестке со стороны властей её усиливало: архитектура входила в резонанс с собственной тягой к обновлению» [8].

Первые эксперименты с принципами «средового подхода» проводились ещё в 1970-80-е гг. [9], в том числе на региональном уровне, однако полигоном для выработки обновлений градостроительных принципов в новых экономических условиях становится московский район Остоженки. Главной задачей для архитекторов здесь было сохранение исторически сложившейся среды.

Проблемой реконструкции этого района в 1990-е гг. занимался небольшой авторский коллектив под руководством А. Скокана (в последующем бюро стало носить название АБ «Остоженка»). Одними из первых построек здесь были жилые дома в 1-м Обыденском переулке (Москва, 2001-2003 гг., арх. А. Скокан, Д. Гусев, И. Вахонин). Опираясь на морфологические принципы существующей застройки, и обладая умеренным модернистским дизайном, новые здания здесь остаются незаметными постройками «второго плана».

Этот пример включения новой «модернистской» архитектуры в историческую застройку стал образцом реализации формирующихся принципов современного отечественного средового подхода, отличительными чертами которого становились следование исторической морфологии участка, сдержанный модернистский дизайн фасада, «подчинение» новых объектов, окружающей застройке (строительство «зданий второго плана»), высокая плотность застройки (в том числе для достижения экономической эффективности и рентабельности нового строительства).

Более контрастными по отношению к исторической ткани города стали другие жилые дома, расположенные недалеко от объектов АБ «Остоженка» – жилой дом в Молочном переулке, 1 (2000-2003 гг., арх. Ю. Григорян, П. Иванчиков, И. Кулешов, А. Павлова, Ю. Гунина, Т. Короткова, И. Скачков, С. Сидоренко) и на Бутиковском переулке, 3 (2002-2005 гг., арх. С. Скуратов, В. Рыжкова, Н. Ишутина, Ю. Ковалева, А. Медведев, П. Карповский, П. Шалимов, Н. Демидов, В. Данилов). Дом, разработанный Ю. Григоряном, своей формой плана меняет морфологию застройки, создавая новое пространство перекрестка улиц. Новый контекст создает и композиция жилого дома по проекту С. Скуратова, состоящего из отдельных блоков, облицованных камнем и панелями из патинированной меди.

В последних двух проектах особенно заметно влияние актуальной европейской архитектуры, которое обнаруживается, в том числе, в использовании зарубежных (специально привезенных) материалов отделки. Всё это должно было подчеркнуть статусность этого элитного жилья.

Примеры создания такой «европейской» модернистской элитной жилой архитектуры встречаются главным образом в Москве. Среди примеров, опирающиеся на те же принципы и эстетические ориентиры, в других городах можно привести «Дом у моря» построенный в Санкт-Петербурге в 2005-2008 гг. Над созданием этого проекта трудился смешанный коллектив, в котором, помимо сотрудников российского бюро «Евгений Герасимов и партнёры», трудились и специалисты немецкого бюро с российскими корнями «НПС Чобан Фосс». Сам комплекс расположен недалеко от гребного канала и состоит из нескольких отдельных корпусов (3-4 и 4-6 этажей), стоящих на общей платформе. Комплекс имеет сложную форму плана, благодаря которой организуется внутренняя пешеходная зона. Основным материалом отделки здесь является камень разных фактур.

Восприятие актуальной европейской архитектуры впоследствии помогло крупнейшим столичным бюро выходить на европейский рынок и создавать проекты за рубежом [10, 11]. Эти постройки встали в один ряд с образцами европейской архитектуры, не связанной непосредственно с отечественными традициями.

Описанные выше примеры объединяют схожие черты: высокая плотность застройки, при сохранении небольшой этажности, сдержанная модернистская эстетика простых и лаконичных форм, использования дорогих натуральных материалов отделки (в первую очередь – натурального камня). Идеи «средового подхода» не получили распространения в архитектуре жилых зданий Новосибирска начала XXI в. Во многом это обусловлено фрагментарностью исторической застройки.

Другой стороной проявления неомодернистской эстетики на рубеже XX-XXI вв. стали крупные жилые дома и комплексы, при создании которых архитекторы опирались главным образом на традиции российского авангарда XX века. Такие постройки как ЖК «Город яхт» (Москва, Ленинградское шоссе, 37; 2003-2008 гг., арх. Н. Лызлов, М. Капленкова, А. Подъемщиков, Н. Липилина, Л. Капрова) и жилой дом «Парус» на Ходынском поле (Москва, 2003-2007 гг., арх. А. Боков, Б. Уборевич-Боровский, С. Нарольский, А. Николашин, Т. Зайцева) отличаются особой выразительностью и образностью.

ЖК «Город яхт» расположен недалеко от 16-этажных башен экспериментального квартала «Лебедь» (построен в 1967-1973 гг.), и это соседство стало отправной точкой для идеи образа нового комплекса. Архитектор пытался переосмыслить идею «горизонтального небоскреба», который бы контрастировал с вертикальными объемами башен. Однако от изначального замысла в процессе реализации пришлось отклониться – построенное здание имеет переменную этажность и уходит вниз по рельефу. В результате появился трехсотметровый протяженный дом, состоящий из 9 секций, напоминающий своими очертаниями лайнер, нависающий над берегом Химкинского водохранилища.

Жилой дом «Парус» на Ходынском поле – яркий архитектурно-пластический жест, который должен был соответствовать масштабу окружающей его «пустоты» нового района. В самой архитектуре дома его типологическая принадлежность и секционная структура практически не считывается, что еще больше заставляет воспринимать дом, как огромный скульптурный объект.

Несмотря на то, что наследие архитектуры советского авангарда (в том числе жилых зданий) является важной частью Новосибирска, в проектах рубежа XX-XXI вв. эти традиции не были явно представлены. Переосмысление наследия конструктивистов проявилось в основном в цитированиях их приемов в постмодернистском изложении, где они перемежались с отсылками к архитектуре других стилей – как в облике жилого дома по ул. Ядринцевская, 46а. Попытки создания крупных объектов со сложной объемно-пространственной композицией, таких как ЖК «Эльбрус» (2005-2015 гг., арх. В. Фелелов, В. Кан, Т. Голяковская), сильно уступают по выразительности московским примерам.

Возвращение к рационалистической традиции в архитектуре жилых зданий Новосибирска наблюдается в 2010-х гг. На смену преобладания постмодернистских идей и стремлений к «декорированию фасадов» [12] пришла новая волна влияния столичной архитектуры.

Рис. 3. Жилой дом на Декабристов, 41, 3-я очередь строительства, 2017 г. (иллюстрация автора)

В отделку фасадов возвращаются штукатурка и кирпич, что связано с распространением соответствующих технологий – это сделало возможным использовать лаконичный язык рационалистической архитектуры в полной мере. В первую очередь проявление этой эстетики можно заметить в проектах крупных всероссийских застройщиков (рис. 3) – например, в домах ООО «Брусника» (в жилом доме по ул. Декабристов, 41, и по ул. Дунаевского, 2016-2018 гг.). Но постепенно и другие застройщики начали включаться в рационалистическое движение, например, жилой комплекс MilkHouse (2015 г., ул. Урицкого, 6; здание вошло в шорт-лист проекта «Приметы Городов-2017»). При этом с градостроительной точки зрения эти комплексы по-прежнему воспроизводят микрорайонный паттерн [13]. В общих решениях фасадов этих зданий наблюдается стремление к простоте и лаконичности форм и минимальной пластике. В отделке используется кирпич и штукатурка – на комбинации этих фактур строится основное членение фасада, а монотонность разбивается комбинацией разных по размерам оконных проемов.

Заключение

В результате сравнительного анализа архитектуры многоквартирных жилых зданий Новосибирска и столичных городов России конца XX-начала XXI вв. определен характер влияния столичной архитектуры на формирование архитектуры многоквартирных жилых зданий Новосибирска конца XX-начала XXI вв., который со временем изменялся:

- в период массового советского индустриального домостроения это влияние было определено политической и экономической централизацией, и соответствующей системой организации проектирования, при которой большинство типовых проектов многоквартирных жилых зданий разрабатывались в столичных проектных институтах. Однако в конце 1980-х гг. наблюдается постепенное ослабление централизации (связанное с политикой перестройки) и усиление роли местных архитекторов. В конце 1980-начале 1990-х гг. в Новосибирске начинают проектировать и строить несколько крупных жилых комплексов по индивидуальным проектам, которые имели ряд общих черт со столичными постройками того же времени; в них наблюдается отказ от типовых схем, экспериментирование с компоновками жилых секций и планировками квартир; применение многоуровневых квартир, включение в жилые комплексы общественных функций, выделение «общественных» и «частных» пространств, и стремление к изоляции внутривортовых территорий; превалирование эстетики советского модернизма и стремление к созданию выразительного сложного силуэта здания. При этом если для столичных примеров характерно стремление к формированию квартальной структуры, то для Новосибирска к созданию сложных многоплановых композиций и системы связанных дворовых пространств;

- смена политической и экономической системы в 1990-е гг. сопровождалась общими тенденциями децентрализации и повышения роли местных органов самоуправления. Непосредственное влияние столичной архитектуры на формирование архитектуры многоквартирных жилых зданий Новосибирска ослабляется. При этом можно отметить общие черты первых коммерческих жилых комплексов Новосибирска и столичных городов: формирование изолированного внутреннего пространства двора, небольшое количество квартир большой площади, применение многоуровневых квартир, эксперименты с включением блокированных и секционных жилых домов в структуру комплексов. Внешний облик этих первых коммерческих построек был довольно аскетичным;

- с постепенным усилением экономической и политической централизации в 2000-х гг. растет и влияние столичной архитектуры на формирование архитектуры многоквартирных жилых зданий Новосибирска. Это влияние выражалось в распространении постмодернистских идей историзма и эклектизма (эстетических установок, продвигаемых московскими властями). При этом источники постмодернистских цитирований в разных городах отличались. Для Москвы это были неорусский стиль, классицистические постройки и образцы московской эклектики рубежа XIX-XX вв. В Санкт-Петербурге – петербургский классицизм и северный модерн. А в Новосибирске – сибирский модерн и конструктивистские постройки;

- столичный неомодернизм и развитие в рамках этой эстетики идей «средового подхода» 2000-х-начала 2010-х гг., появившийся как ответная реакция поощрения московской власти историзма и эклектизма, не получило распространения в Новосибирске. Возвращение к модернистским идеям проявляется после 2010-х гг. в рамках неорационалистской эстетики, получившей распространение через деятельность крупных всероссийских фирм-застройщиков.

Список библиографических ссылок

1. Каганский В. Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта // STRELKA: Сборник 2013. М. : Strelka Press, 2013. С. 50–72.
2. Копылова Л. Вкусно! Новая архитектура Нижнего Новгорода // Проект Россия. № 4. 1997. С. 17–19.
3. Шумилкин А. С. Нижегородская архитектурно-реставрационная школа в системе отечественных школ архитектурной реставрации XX в. (опыт 1960-1990 гг.) // Приволжский научный журнал. 2019. № 2. С. 101–106.
4. Urban F. Tower and Slab. Histories of Global Mass Housing. Abingdon : Routledge, 2012. 224 p.
5. Аронов Н. Парк перестроечного периода // Коммерсантъ. 2008. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1040739> (дата обращения: 25.08.2019).
6. Иконников А. В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. М. : Прогресс-Традиция, 2002. Т. 2. 672 с.
7. Худин А. А. Постмодернизм в архитектуре Москвы и Санкт-Петербурга: черты сходства и отличия // Приволжский научный журнал. 2015. № 3. С. 161–165.
8. Ревзин Г. Русская архитектура рубежа XX-XXI вв. М. : Новое издательство, 2013. 532 с.
9. Фахрутдинова И. А., Ефимов Д. Д. Средовой подход в региональной архитектуре советского модернизма 1970-1980 гг. в проектировании Выставочного зала Союза Художников ТАССР в г. Казани, архитекторы: Г.А. Бакулин (руководитель авторского коллектива), Р.Х. Галеев, В.П. Мулюкин // Известия КГАСУ. 2017. № 4 (42). С. 59–67.
10. Gibson E. «Russian architecture is in a transitional state» says architect Yury Grigoryan // Dezeen. 2007. URL: <https://www.dezeen.com/2017/10/23/russian-architecture-in-transitional-state-meganom-architect-yury-grigoryan/> (дата обращения: 25.08.2019).
11. Frearson A. N. How Hotel Berlin by NPS Tchoban Voss // Dezeen. 2011. URL: <https://www.dezeen.com/2011/07/18/nhow-hotel-berlin-by-nps-tchoban-voss/> (дата обращения: 25.08.2019).
12. Ложкин А. Конкурс «Золотая капитель» и 10 лет новосибирской архитектуры (1996-2006) // А3D. 2006. URL: <https://archi.ru/press/russia/1636/konkurs-zolotaya-kapitel-i-10-let-novosibirskoi-arhitektury-1996-2006> (дата обращения: 01.01.2019).
13. Гашенко А. Е. Формирование микрорайонных образований Новосибирска в 1950-2010-е годы // Архитектон: известия вузов. 2015. № 2 (50). С. 171–192.

Kiselnikova Darya Yusufovna

assistant

E-mail: kiselnikova.darya@yandex.ru

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

The organization address: 630099, Russia, Novosibirsk, Krasny prospect, 38

The influence of metropolitan architecture on the formation of the architecture of apartment buildings in Novosibirsk in the late XX-early XXI centuries

Abstract

Problem statement. The purpose of this study is to determine the influence of the metropolitan architecture as one of the factors of formation of architecture of apartment buildings of Novosibirsk in the late XX-early XXI centuries.

Results. The study revealed the main trends in the formation of architecture of apartment buildings of the metropolitan and analyzed the reflection of these trends in the architecture of apartment buildings of Novosibirsk in the late XX-early XXI centuries.

Conclusions. The significance of the obtained results for the construction industry consists in determining the change of influence of the metropolitan architecture on the formation of the architecture of apartment buildings of Novosibirsk in the late XX-early XXI centuries, and establishing the connection of these changes with the transformation of the social, economic and political systems of Russia at this time

Keywords: apartment building, architecture of Novosibirsk, styles, Soviet modernism, postmodernism.

References

1. Kaganskij V. How is Russia arranged? Portrait of the cultural landscape // STRELKA: Sbornik 2013. M. : Strelka Press, 2013. P. 50–72.
2. Kopylova L. Tasty! New architecture of Nizhny Novgorod // Proekt Rossiya. № 4. 1997. P. 17–19.
3. Shumilkin A. S. The Nizhny Novgorod architectural-restoration school in the system of domestic schools of architectural restoration of the XX century (experience of 1960-1990) // Privolzhskiy nauchnyy zhurnal. 2019. № 2. P. 101–106.
4. Urban F. Tower and Slab. Histories of Global Mass Housing. Abingdon : Routledge, 2012. 224 p.
5. Aronov N. Reconstruction period park. // Kommersant. 2008. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1040739> (reference date: 25.08.2019).
6. Ikonnikov A. V. 20th century architecture. Utopias and Reality. M. : Progress-Tradiciya, 2002. V. 2. 672 p.
7. Khudin A. A. Postmodernism in the Architecture of Moscow and St. Petersburg: Similarities and Differences // Privolzhskiy nauchnyy zhurnal. 2015. № 3. P. 161–165.
8. Revzin G. Russian Architecture of the 20th-21st Centuries. M. : Novoe izdatel'stvo, 2013. 532 p.
9. Fachrutdinova I. A., Efimov D. D. The environmental approach in the regional architecture of the Soviet modernism of 1970-1980-ies, in the design of the Exhibition Hall of the Union of Artists of the TASSR in Kazan, the architects: G.A. Bakulin (head of the authors group), R.Kh. Galeev, V.P. Mulyukin // Izvestiya KGASU. 2017. № 4 (42). P. 59–67.
10. Gibson E. «Russian architecture is in a transitional state» says architect Yury Grigoryan // Dezeen. 2017. URL: <https://www.dezeen.com/2017/10/23/russian-architecture-in-transitional-state-meganom-architect-yury-grigoryan/> (reference date: 25.08.2019).
11. Frearson A. N. How Hotel Berlin by NPS Tchoban Voss // Dezeen. 2011. URL: <https://www.dezeen.com/2011/07/18/nhow-hotel-berlin-by-nps-tchoban-voss/> (reference date: 25.08.2019).
12. Lozhkin A. Contest «Golden Capital» and 10 years of Novosibirsk architecture (1996-2006) // A3D. 2006. URL: <https://archi.ru/press/russia/1636/konkurs-zolotaya-kapitel-i-10-let-novosibirskoi-arhitektury-1996-2006> (reference date: 01.01.2019).
13. Gashenko A. E. Formation of microdistricts in Novosibirsk in 1950-2010^s // Arkhitekton: izvestiya vuzov. № 2 (50). P. 171–192.